

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

МОЙ БИЗНЕС
МОИ ПРАВИЛА
МОЯ ЖИЗНЬ

СИЛА
ХАРАКТЕР
ПОБЕДА
ТЫ

Разбить

ТЕБЯ

и

ПОЛЮБИТЬ

Александра Ветрова

Разбить тебя и полюбить

«Автор»

2026

Ветрова А.

Разбить тебя и полюбить / А. Ветрова — «Автор», 2026

Он — король чёрного пиара, циничный разрушитель репутаций, который зарабатывает на чужих падениях. Его цель — молодая, дерзкая владелица сети фитнес-клубов Алиса Воронцова. Заказчик готов заплатить любые деньги, чтобы стереть её бизнес с лица земли. И Максим берётся за дело. Он входит в её жизнь под чужим именем, становится её личным тренером, её доверенным лицом, её «лучшим другом». План идеален. Он собирает компромат, втирается в доверие и готовит финальный удар. Но с каждым днём он видит, как она смеётся, как открывает ему душу, как верит в него. И с каждым днём ему всё труднее нажимать на спусковой крючок.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог: Тот самый день, когда я понял, что проиграл	6
Глава 1. Его игра	7
Глава 2. Отражение в её глазах	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александра Ветрова

Разбить тебя и полюбить

Глава

Пролог: Тот самый день, когда я понял, что проиграл

Я стою на балконе своей квартиры на сороковом этаже, и Москва внизу кажется не городом, а огромным, дышащим хищником, у которого вместо глаз — тысячеоконные небоскребы, а вместо зубов — иглы башен «Москва-Сити». В руке у меня остывает кофе, который я так и не выпил, потому что пальцы до сих пор помнят тепло ее плеча, а горло сжимает такая тоска, что хочется разбить эту чашку о перила и смотреть, как осколки летят вниз, исчезая в темноте. Но я не разбиваю. Я просто стою и смотрю на отражение в стекле — там мужчина с жесткой линией губ, который всегда знает, как ударить больнее, как повернуть сделку так, чтобы противник даже не понял, что его раздели догола. Только сейчас этот мужчина мне не нравится. Он кажется мне чужим. Жалким. Он проиграл, хотя внешне выиграл всё — контракты, деньги, ее клубы, ее улыбку, которая больше не предназначена ему.

В груди — пустота, но не та ледяная стерильность, к которой я привык за годы работы, а другая — вязкая, горячая, она пульсирует, как открытая рана, и я знаю, что это называется совестью. Я думал, что распрощался с этим понятием лет десять назад, когда впервые посмотрел на человека в зеркало и не увидел там ничего, кроме расчетливости. Но она появилась — Алиса — и разворотила все мои внутренние механизмы, словно ребенок, который разобрал дорогие часы, чтобы посмотреть, как тикает стрелка.

Я закрываю глаза, и передо мной встает не сегодняшний день, не ее холодный взгляд, полный презрения и какой-то странной, даже пугающей жалости, а тот самый первый вечер, когда я вошел в ее фитнес-клуб под видом обычного тренера, под чужим именем, с чужим прошлым и с одной-единственной целью в голове — разбить ее жизнь на миллион осколков, чтобы потом, как король шахматной доски, собрать эти осколки и выложить в нужную мне комбинацию.

Я не знал тогда, что именно эти осколки вонзятся в мое собственное сердце, и что, уничтожая ее, я буду медленно уничтожать себя, слоями сдирая кожу с собственной души, пока не останусь голым и уязвимым перед ней. Перед той, кого я должен был ненавидеть, но полюбил. И теперь, когда правда вышла наружу не так, как я планировал, а так, как она захотела, я понимаю, что вся моя жизнь до встречи с ней была лишь долгой, изнурительной репетицией, чтобы я наконец научился разбивать себя. Чтобы заново собрать. Чтобы полюбить по-настоящему.

Но тогда, в тот вечер, я был уверен в себе до тошноты. Я был богом в своем мире, и никто не мог противостоять моей воле.

Глава 1. Его игра

Максим Соколов знал о ней всё за месяц до того, как они должны были встретиться. Это было его правилом — он не терпел случайностей, потому что случайности в его профессии стоили слишком дорого. На столе перед ним, в огромном кабинете, заставленном стальной мебелью и холодными светодиодными лампами, которые делали его лицо еще более хищным и острым, лежало досье, толщиной в палец, и на каждой странице — она. Алиса Воронцова, двадцать восемь лет, владелица сети фитнес-клубов «Атланта», что в последние два года стремительно разрасталась по Москве и Питеру, заполняя нишу, которую он, Максим, и его неизвестные, но очень влиятельные клиенты считали своей. В досье были её фотографии — не студийные, а живые, сделанные его людьми. На одной она смеялась, запрокинув голову, выходя из своего любимого кофейни в центре, и солнечный свет падал на её рыжие, как у лисы, волосы, выбивающиеся из небрежного пучка. На другой она была серьезной, сдвинув брови, и что-то доказывала своему управляющему, и в этом жесте, в том, как она сжимала ручку планшета, читалась такая сталь, что Максим невольно усмехнулся. Он любил сложные цели. Они давали ему ощущение, что он живет. На третьей — она была в спортивном костюме, с влажными от пота висками, и это была не фотография, а, скорее, кадр с камеры наблюдения в её собственном зале, где она тренировалась сама, подтягиваясь на турнике с такой грацией, что Максим смотрел на эту фотографию дольше, чем на остальные. — Она слишком чистая, — сказал он тогда своему помощнику, Кириллу, долговязому парню с глазами цвета разбавленного чая, который всегда стоял за его спиной, словно тень. — Мне нужна грязь. Любая. Связи с нехорошими людьми, долги, любовники, которые готовы продать её секреты. Что угодно, чтобы ударить и не промахнуться. — Мы копали глубоко, Максим Сергеевич, — ответил Кирилл, и в его голосе прозвучала та неуверенность, которую Максим презирал больше всего. — У неё нет скелетов в шкафу. Она вышла из небогатой семьи, строила свой бизнес с нуля, брала кредиты, вытягивала его в одиночку. Единственное, что мы нашли — её бывший парень, который пытался обобрать её, но она его выставила в суде, и с тех пор она не подпускает никого близко. Она... правильная. — Правильных не бывает, — отрезал Максим, и этот звук собственного голоса показался ему слишком резким даже для него самого. — Бывают те, кто умеет прятать. Значит, мы копали плохо. Но мне плевать на её прошлое. Мне нужно её будущее. Она сейчас открывает новый филиал в центре, прямо рядом с проектом моего клиента. Это угроза. Клиент заплатил мне огромные деньги, чтобы я эту угрозу устранил. Поэтому мы сделаем проще — я войду в её круг, стану её тренером, её доверенным лицом. Я заставлю её поверить в меня. А когда она откроет всё своё нутро, когда у неё не останется секретов, я уничтожу её бизнес. Финансово. Репутационно. Так, чтобы она сама прибежала ко мне с просьбой купить её сеть за бесценок. Потому что она будет думать, что я единственный, кто может её спасти. Иронично, правда? Кирилл кивнул, но в глазах его мелькнуло что-то, что Максим не разобрал — то ли страх, то ли восхищение его цинизмом. Максим привык, что люди смотрят на него именно так. Он был лучшим в своей сфере. Его называли «серым кардиналом репутаций» или просто «чёрным пиарщиком». Он не создавал образы, он их разрушал. У него был особый талант: он видел в каждом человеке его слабое место, словно рентгеновский аппарат. Он мог заставить женщину усомниться в собственной красоте, мужчину — в своей силе, бизнесмена — в его империи. И все эти сомнения, разрастаясь, как раковая опухоль, в итоге пожирали их владельцев. И тогда на сцену выходил Максим с предложением, от которого невозможно было отказаться, потому что отказ означал окончательное падение. Он не чувствовал вины. Он не чувствовал ничего, кроме азарта и холодного удовольствия от того, что он может управлять судьбами, как шахматными фигурами. За это он получал деньги, которые сделали его богатым, и власть, которая сделала его одиноким. Но одиночество его не тяготило — оно было

естественным состоянием для охотника, который выслеживает добычу в городе-джунглях. Ему понадобилось ещё две недели, чтобы разработать идеальную легенду. Он стал Артёмом Громовым — бывшим чемпионом по кроссфиту, который из-за травмы ушел из большого спорта и теперь ищет свое призвание в тренерстве. Легенда была выверена до мелочей: у него была фальшивая страница в соцсетях с фотографиями, которые нанятые модели сделали в нужных локациях, были рекомендации от «бывших коллег», были медицинские справки и даже старая запись с соревнований, где он, загримированный, действительно был похож на профессионального атлета. Максим любил эту часть своей работы — превращение, создание новой личности, в которой он мог утонуть, как в тёплой воде. В тот день, когда он впервые вошел в клуб «Атланта» в центре, он выбрал самую простую одежду — свободные черные штаны и серая футболка, которая облегла его плечи. Он специально не брился пару дней, чтобы выглядеть более небрежным, живым, не таким «стерильным», каким он был обычно. В его глазах была та особая теплота, которую он мог включать по желанию, как переключатель — та теплота, которая располагала к себе людей, заставляла их думать, что он свой парень, рубаха-парень, с которым можно выпить пива после тренировки и поговорить о жизни. Он знал, что Алиса лично следит за подбором персонала и часто присутствует на собеседованиях. Он подал заявку на вакансию персонального тренера, и его пригласили. Он ждал её в небольшой комнате для переговоров, где стены были стеклянными, и сквозь них было видно, как в зале кипит жизнь: люди занимались на беговых дорожках, поднимали штанги, в зеркалах отражались их напряженные лица. Запах озона и пота смешивался с легким ароматом свежего кофе из автомата в холле. Когда дверь открылась и вошла она, Максим на секунду потерял дар речи. Он видел ее на фотографиях, но вживую она была совершенно другой — более живой, более яркой, что ли. Она была одета в простую белую футболку и чёрные леггинсы, которые подчеркивали её длинные, сильные ноги, и волосы сегодня были распущены, падали на плечи мягкими рыжими волнами. Её глаза, зеленые, с каким-то золотистым отливом, смотрели на него с любопытством и легкой настороженностью, но он тут же отметил, что в них нет высокомерия. Только энергия. Живая, искренняя энергия, от которой хотелось улыбнуться. — Артём Громов? — спросила она, садясь напротив него, и её голос оказался низким, чуть хрипловатым, что контрастировало с её хрупкой внешностью. — Мне сказали, у вас впечатляющее резюме. Но я бы хотела сама понять, кто вы. Расскажите о себе. Она смотрела ему прямо в глаза, и Максим почувствовал себя неудобно. В этом взгляде не было той «покупаемости», что обычно бывает у его целей. Она слушала его внимательно, кивала, иногда задавала уточняющие вопросы, и он понял, что она не из тех, кого можно обвести вокруг пальца пустыми фразами. Его легенда, выверенная, как ювелирное изделие, вдруг показалась ему хрупкой. Но он был профессионалом. — Я не люблю рассказывать о себе, — сказал он, улыбнувшись той своей дружелюбной улыбкой, и в его голосе появилась некая усталая искренность, которую он отрабатывал годами. — Я лучше покажу. Давайте я проведу с вами пробную тренировку. Не как начальнику с подчиненным, а как клиенту. Вы увидите мой подход, мою методику. И если я вам не подойду — я уйду, вы даже не заплатите мне за это время. Она приподняла бровь, и в этом жесте Максим увидел тот самый характер, о котором читал в досье. Она никогда не шла на поводу у других. Она любила принимать решения сама. — Смелое предложение, — сказала она, чуть склонив голову набок, и в этом движении было что-то кошачье, завораживающее. — Хорошо. Давайте попробуем. Только предупреждаю: я тренируюсь жестко. Я не терплю, когда тренеры меня жалеют. — Я не умею жалеть, Алиса, — ответил он, называя её по имени, как будто они были давно знакомы, и он видел, как она чуть заметно расслабилась от этой фамильярности. — Я умею только добиваться результата. Любой ценой. Он не солгал. Он действительно умел добиваться результата любой ценой. Только тогда он не знал, что результатом этой игры станет не разорённый бизнес и сломленная женщина, а его собственное сердце, которое он разобьет куда сильнее, чем когда-либо разбивал чужие судьбы. Он не знал, что именно сейчас, в этом стек-

лянном кабинете, он запускает механизм своего собственного уничтожения. Она встала из-за стола, и её улыбка была такой открытой и светлой, что у Максима перехватило дыхание. Он заставил себя улыбнуться в ответ, но внутри у него всё сжалось, как стальная пружина. Он был профессионалом. Он не мог позволить себе слабость. Он запомнил эту улыбку, запомнил блеск её глаз, и мысленно поставил галочку: «Первый контакт установлен. Она доверяет. Дальше — только глубже». Они вышли в зал, и музыка забила в уши тяжелым ритмом. Максим смотрел, как она разминает шею, как гибко и грациозно движется её тело, и с каждой секундой он чувствовал, как его профессиональный холод начинает таять, уступая место чему-то другому, непозволительному. Он вспомнил слова своего клиента, который сидел в тени и жаждал её падения. Он вспомнил гонорар, который уже был почти потрачен. Он вспомнил, кто он такой. И он сделал шаг вперед, навстречу своей жертве, навстречу своей собственной гибели, даже не догадываясь об этом. — Начнем с базовых упражнений, — сказал он, и его голос прозвучал ровно, хотя внутри всё кипело. — Я хочу посмотреть, как ты дышишь, как ты чувствуешь нагрузку. Доверься мне на час, Алиса. Я покажу тебе, что ты можешь больше, чем думаешь. Она рассмеялась — звонко и легко, и этот смех разбил вдребезги последние остатки его спокойствия. — Я всегда думаю, что могу больше, Артём, — ответила она, и он поймал себя на том, что ему нравится, как она произносит его вымышленное имя. — Это моя суперсила. А теперь — показывай, на что способен. И он начал показывать. Он работал с ней, как с самой важной целью в своей жизни, вкладывая в каждое движение, в каждую подсказку не только профессиональный опыт, но и что-то ещё, чему он не мог дать названия. Он касался её плеча, чтобы поправить стойку, и его пальцы горели от этого прикосновения. Он наклонялся к ней, чтобы объяснить технику, и вдыхал запах её духов — легкий, цветочный, с нотками ванили. Он смотрел, как капельки пота стекают по её виску, как она закусывает губу от усилия, и понимал, что тонет. Медленно. Неотвратно. И всё, что он мог сделать — это продолжать улыбаться и говорить ей правильные, ободряющие слова, которые были частью его плана. Частью его лжи. Через час, когда она выпрямилась, тяжело дыша, и её глаза сияли от усталости и удовлетворения, она протянула ему руку. — Ты крут, Артём, — сказала она, и в её голосе звучало уважение. — Я редко встречаю тренеров, которые так чувствуют тело. С завтрашнего дня ты работаешь со мной. Лично. Договорились? Он пожал её ладонь, чувствуя тепло её кожи, и посмотрел в её глаза. Зеленые, чистые, бездонные. В них не было и тени подозрения. Только радость от того, что она нашла того, кому можно верить. И в этот момент Максим, король чёрного пиара, циничный и расчетливый убийца репутаций, впервые за долгие годы почувствовал нечто похожее на стыд. Но он тут же задавил это чувство, как только умел. Он улыбнулся ей своей обаятельной улыбкой и сказал: — Договорились, Алиса. Я сделаю из тебя звезду. Он не знал, что эта звезда уже начала светить ему настолько ярко, что скоро он перестанет видеть свою собственную тьму. Он не знал, что игра, которую он начал, закончится не его триумфом, а его падением. Но он был слишком опытным игроком, чтобы повернуть назад. Слишком гордым, чтобы признать, что впервые в жизни он столкнулся с противником, который оказался сильнее его — не потому, что она была хитрее или безжалостнее, а потому, что она была настоящей. И он, привыкший к фальши, не устоял перед этой правдой. Они разошлись по разным углам зала, но Максим знал, что это только начало. Он посмотрел на своё отражение в зеркале — на мужчину с красивым лицом и пустыми глазами — и мысленно пообещал себе, что не влюбится. Что это просто работа. Что он контролирует ситуацию. Он ошибался. Он ошибался так, как не ошибался никогда в жизни. И эта ошибка стоила ему всего.

Глава 2. Отражение в её глазах

Первая неделя прошла как под наркозом — быстро, туманно и с ощущением, что ты плывёшь по течению, хотя сам считаешь себя капитаном огромного корабля. Максим просыпался каждое утро в пять тридцать, пил чёрный кофе без сахара, надевал свою «тренерскую» форму и ехал в клуб, где его уже ждала она. Алиса. Его работа. Его цель. Его проклятие.

Он придумал для себя чёткий ритуал: входя в зал, он должен был превращаться в Артёма — того самого открытого, улыбчивого парня с лёгким шрамом на брови, который якобы остался после неудачного падения с турника на соревнованиях. Он отрабатывал этот образ по вечерам перед зеркалом, как актёр перед премьерой: уголки губ чуть приподняты, взгляд мягкий, в голосе — нотка добродушной строгости, которая не давит, а вдохновляет. Но с каждым днём эта маска прирастала к его лицу так плотно, что он начинал забывать, где заканчивается вымысел и начинается реальность.

Алиса оказалась не просто клиентом. Она была вызовом. Она не ныла, не жаловалась на вес, не просила поблажек — она работала так, будто от каждой секунды тренировки зависела её жизнь. Она приходила на занятия за час до открытия клуба, когда в зале ещё пахло моющим средством и тишина стояла такая, что слышен был гул вентиляции. И Максим, привыкший к капризным богатым женщинам, которые платили огромные деньги за то, чтобы просто красиво попотеть, был ошеломлён её дисциплиной.

— Ты странный, — сказала она ему на третий день, когда они закончили круг на ринге и она вытирала полотенцем лицо. Её дыхание было тяжёлым, но глаза горели торжеством. — Ты смотришь на меня так, будто я не человек, а задача, которую надо решить. Ты всегда такой сосредоточенный?

Максим внутренне напрягся, но его лицо не дрогнуло. Он усмехнулся — той самой непринуждённой усмешкой, которую держал про запас.

— Просто я привык выкладываться на сто процентов, — сказал он, подходя ближе и поправляя гантель на стойке. — И я вижу, что ты способна на большее. Ты сдерживаешь себя на последних подходах, Алиса. Почему?

Она посмотрела на него с вызовом — зелёные глаза блеснули в свете ламп, и в них заплясали искры.

— Потому что я боюсь надорваться, — призналась она, и в этом признании было столько внезапной уязвимости, что у Максима ёкнуло сердце. — Я привыкла всё делать сама. И если я упаду — меня никто не поднимет. Понимаешь?

Он понимал. Он понимал это лучше, чем она могла предположить, потому что сам жил с этим чувством годы — ощущением, что ты один на один с миром, и если ты споткнёшься, то разобьёшься вдребезги, и никто не придёт собирать твои осколки. Но он не мог позволить себе проявить эту общность. Он должен был оставаться для неё тем, кто поднимет, а не тем, кто упадёт рядом.

— Тогда сегодня я буду твоей страховкой, — сказал он и положил руку ей на плечо. Простое, дружеское касание, которое он делал сотни раз с другими клиентами. Но от её кожи его пальцы обожгло, и он убрал руку быстрее, чем следовало. — Давай ещё один подход. Тяжёлый. Я буду стоять рядом. Если не справишься — я помогу. Доверься мне.

Она хмыкнула, но в глазах мелькнула благодарность. Она встала на скамью, взяла штангу, и он увидел, как напряглись мышцы её спины, как она глубоко вздохнула и пошла вниз. Он стоял в изголовье, готовый подхватить гриф в любой момент, и смотрел, как она борется с весом, с собой, со своим страхом. Её лицо исказилось от усилия, на шее вздулись жилки, но она не сдалась — она выдавила из себя этот подход до конца, а потом, когда она поставила

штангу на стойку и выдохнула, она обернулась к нему, и он увидел в её глазах слёзы. Не от боли, нет. От гордости. От того, что она сделала то, что считала невозможным.

— Чёрт, — прошептала она, и её голос дрожал. — Я не делала такое с самой юности. Ты как будто вытащил из меня что-то древнее, Артём. Спасибо.

Он хотел сказать что-то банальное, что-то из своего тренерского арсенала, но слова застряли в горле. Он смотрел на неё, взлохмаченную, влажную от пота, с красными щеками, и думал о том, что она прекрасна в этот момент не вопреки своей усталости, а благодаря ей. Она была настоящей. И в этой настоящести не было ни капли фальши, которую он так умело создавал вокруг себя.

Он протянул ей бутылку с водой, и она взяла её, случайно коснувшись пальцами его руки. Искра. Маленькая, почти незаметная, но он почувствовал её так отчётливо, как будто его ударило током. Он отступил на шаг, делая вид, что проверяет таймер на телефоне, и сглотнул ком в горле. Это была первая трещина в его ледяной броне. Он запретил себе думать о ней как о женщине. Он повторял как мантру: «Это цель. Это контракт. Это деньги». Но его тело, его нервные окончания уже не слушались.

С каждым днём их тренировки становились длиннее. После основного часа они сидели на мягких матах в углу зала, пили изотонические напитки и разговаривали. Она рассказывала ему о своих клиентах, о сложностях с поставщиками спортивного оборудования, о том, как она борется с недобросовестными арендодателями. Она говорила быстро, эмоционально, размахивая руками, и в эти моменты Максим забывал обо всём — о своих клиентах, о доносах, о финансовых отчётах, которые ждали его в офисе. Он просто сидел и слушал, потому что её голос был как музыка, а её смех — как солнечные зайчики, которые разбивали тьму в его душе.

Однажды, в пятницу вечером, после особенно изнурительной тренировки, она неожиданно предложила:

— Слушай, Артём. У меня сегодня нет планов. Ты не хочешь поужинать? Я знаю одно место неподалёку, там готовят невероятный стейк. Всё за мой счёт, как благодарность за эту неделю ада.

Он замер. Ужин. За пределами клуба. В ресторане, где они будут сидеть друг напротив друга, не в спортивной одежде, а в обычной жизни. Это был идеальный ход для его плана — стать её другом, войти в её личное пространство, вывести ещё больше слабостей. Его аналитический мозг уже просчитывал выгоду, но в груди что-то дрогнуло, и он понял, что эта встреча пугает его больше, чем любая операция, которую он проводил за годы работы. Потому что он знал: за ужином будет трудно притворяться. Он будет видеть её глаза, её улыбку, слышать её голос, и ему придётся врать ей снова и снова.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто я делаю это ради ужина, — сказал он, пытаясь отшутиться, и сам почувствовал, как фальшиво прозвучали его слова. — Я тренер, а не альфонс.

Она засмеялась — громко, заразительно, запрокинув голову, и он увидел ямочки на её щеках, о которых не было ни слова в досье.

— Господи, какой ты смешной, — сказала она, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Я не предлагаю тебе руку и сердце, Артём. Я предлагаю просто поесть. Ну, или ты боишься, что я тебя съем?

Она игриво прищурилась, и в этом взгляде было столько дьявольского огня, что Максим понял: он пропал. Он не мог отказать. Он не хотел отказывать. И это был самый страшный сигнал.

— Ладно, — выдохнул он, — уговорила. Но только если ты позволишь мне выбрать вино. Я в этом разбираюсь.

— Договорились, — улыбнулась она, и они ударили по рукам, как заправские партнёры. Но он почувствовал в этом рукопожатии нечто большее, чем деловой жест. Он почувствовал тепло, которое обожгло его до самых костей.

Ресторан оказался маленьким, уютным, со стеклянными стенами, выходящими на тихую улочку в центре. Зажигались фонари, и их жёлтый свет мягко падал на белую скатерть, на хрустальные бокалы, на её лицо. Она переделалась в простой чёрный свитер и джинсы, и её рыжие волосы были распущены, отчего она выглядела моложе и беззащитнее, чем в зале. Максим сидел напротив и смотрел, как она рассматривает меню, как водит пальцем по строчкам, как покусывает губу в раздумьях. И он вдруг с ужасающей отчётливостью осознал, что хочет не просто уничтожить её бизнес — он хочет, чтобы она смотрела на него так всегда, с этим лёгким любопытством и доверием.

Они заказали стейки, салат с рукколой и бутылку красного «Бароло», которое он выбрал с особым тщанием, потому что хотел произвести на неё впечатление. Хотя зачем? Она и так уже была впечатлена. Она смотрела на него, чуть склонив голову набок, и в её взгляде читался вопрос, который она пока не решалась задать.

— Ты никогда не говоришь о себе, — сказала она, когда официант разлил вино по бокалам. — Я рассказала тебе о своей жизни за неделю больше, чем своим подругам за год. А о тебе я знаю только то, что ты был чемпионом и что у тебя травма. А где твоя семья? Где твои мечты? Ты всегда был таким... закрытым?

Он сделал глоток вина, чтобы выиграть время. Вино обожгло горло, и он почти физически ощутил, как его ложь поднимается вверх по пищеводу, готовая выплеснуться наружу.

— Семья — это сложная тема, — сказал он, выбирая слова с осторожностью сапёра. — Я рано ушёл из дома. Мы не ладили с отцом. Он хотел, чтобы я стал юристом, а я хотел быть свободным. Может, поэтому я и люблю спорт — там нет лжи. Есть только ты, твоё тело и вес. Либо ты берёшь, либо ты падаешь. И никто не говорит тебе красивых слов, которые ничего не значат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.